

«Хм, - сказал тоненький голосок в ухе Гарри. «Трудно. Очень сложно. Я вижу, у тебя много мужества. Неплохой ум. Есть талант - боже мой, да - и жажда проявить себя, вот это интересно. . . . Так куда мне тебя определить?»

Гарри ухватился за края табурета, и тут его посетила ужасная мысль, как всегда бывает, когда сильно нервничаешь. Что, если его вообще не выберут? Что, если он так и будет сидеть с надвинутой на глаза шляпой целую вечность, пока профессор МакГонагалл не снимет ее с его головы и не скажет, что, очевидно, произошла ошибка и ему лучше вернуться в поезд? Разве такое случалось раньше?

Он не думал, что сможет вернуться к Дурслям, провалив свой первый экзамен по волшебству. Дадли будет смеяться, тётя Петуния ухмыляться, а дядя Вернон скажет, что он всегда знал, что Гарри ни к чему хорошему не придёт...

Куда угодно, подумал он с яростью. Везде, где я смогу быть своим.

«Никаких предпочтений, да?» - сказал тоненький голосок. «Ты уверен? Ну, если ты уверен - лучше бы это был СЛИТЕРИН!»

Тишина в Большом зале была оглушительной.

Гарри снял с головы потрепанную шляпу, оглядел всех окружающих с шокированным выражением лица и сильно прикусил губу. Повернувшись, он посмотрел на Хагрида, сидящего в конце главного стола, и тот нахмурился, отчего сердце Гарри упало. Рядом с Хагридом, рядом с заикающимся профессором Квирреллом в его нелепом тюрбане, сидел человек с темными глазами, крючковатым носом и завесой сальных темных волос, и его лицо выражало полнейшее удивление, прежде чем стать безучастным.

Гарри узнал этот взгляд из своего собственного репертуара, когда он был чем-то расстроен или очень зол, но не хотел, чтобы Дурсли обрушились на него из-за этого. Он привык прятаться, и по царившей вокруг тишине понял, что и здесь ему придется спрятаться.

Темноглазый мужчина перехватил взгляд Гарри и после долгого раздумья кивнул подбородком в сторону стола, за которым, как Гарри видел, сидели другие новые Слизеринцы. Гарри послушно соскользнул с табурета и передал шляпу профессору МакГонагалл, после чего направился к своим новым соседям.

Оказавшись там, он встал рядом со столом, и только что отсортированные Слизеринцы уставились на него так, словно у него было три головы, а может, и четыре. Он был уверен, что ему вот-вот скажут «отвали», и так продолжалось один вдох, потом два, пока один из них, жилистый мальчик, которого отсортировали в Дом всего за два года до Гарри, не опустился на скамью и жестом указал на свободное место рядом с собой. Гарри вспомнил, что его зовут Нотт. Теодор Нотт. «Садись, Поттер. И перестань тарашиться ради жалости».

«Спасибо», - сказал Гарри и опустился на сиденье, пригнув голову, чтобы избежать пристальных взглядов.

Но остальные в зале наконец вспомнили, чем они занимались, пока Гарри не напугал их сортировкой, и вернулись к наблюдению за шляпой, когда «Томас, Дин» был отсортирован в Гриффиндор. За ним последовали ожидаемые аплодисменты, которые до сих пор получали все - кроме Гарри, - а за ним в Рейвенкло отправились «Турпин, Лиза», а в Гриффиндор - «Уизли, Рональд». «Забини, Блейз,» был последним и попал в Слизерин. Гарри захлопал вместе с остальными за своим столом и освободил место, когда Забини сел по другую сторону от Нотта.

Профессор МакГонагалл свернула свой свиток и убрала его.

Северус Снейп боялся этого дня уже одиннадцать лет. Он всегда знал, что Гарри Поттер однажды приедет в Хогвартс - имя мальчика звучало со дня его рождения, - и всегда знал, что ему придется иметь дело с ежедневным напоминанием о Джеймсе на уроках, в Большом зале во время еды и даже в коридорах. Он лелеял этот ужас, лепил его в своем сознании, как глину, придавая ему идеальную форму своей ненависти и жажды мести. Он ожидал, что ребенок будет копией его отца. Даже после смерти Джеймса и Лили он знал, что кровь вытечет. Мальчик ничего не сможет с этим поделать, он был уверен. Он будет высокомерен и тщеславен, будет стремиться привлечь к себе внимание, будет вести себя так, как ему заблагорассудится, и особенно любить нарушать правила.

Но даже в этом случае он не ожидал, что сын Джеймса и Лили окажется Слизеринцем.

Когда после объявления в Большом зале воцарилась тишина, Северус на мгновение уверился, что ослышался. Должно быть, это ошибка. Не может быть, чтобы драгоценный Мальчик-Который-Выжил был не гриффиндорцем, как его обожаемый и совершенно несносный отец. Но мальчик стоял и молчал, оглядываясь по сторонам, словно все его мечты были разбиты - а ведь так оно и было! Никаких аплодисментов; ужас! -- И лишь спустя мгновение выражение его лица стало совершенно пустым, а подбородок чуть приподнялся.

Северус мог бы поаплодировать маленькому негодяю за это - никогда не позволяй им победить себя, мальчик! -- но вместо этого, когда мальчик наконец-то поймал его взгляд, он просто указал на стол Слизерина, и Гарри отправился садиться к остальным членам своего Дома. В конце концов, это было совсем как сын Поттера - считать, что все должны аплодировать ему только за то, что он надел шляпу. Северус скривил губы от отвращения. Поттеровское отродье тоже смотрело на свой новый Дом свысока.

Он смотрел, как мальчик садится рядом с Ноттом, а через мгновение к ним присоединился Забини. Поттер не поднимал головы, хотя Северус заметил, что он бросает быстрые взгляды по сторонам, вероятно, пытаясь найти способ привлечь к себе больше внимания. Высокомерное отродье.

Альбус произнес какую-то бессмысленную речь, как и каждый год, хотя Северус мог поклясться, что услышал в голосе директора крошечную нотку меланхолии. Ну конечно же, Старый Кут думал, что Поттеровское отродье окажется в его собственном старом Доме. Конечно, он был бы разочарован. Ведь так было со всеми.

Наконец пир начался, и Северус, как и каждый год, пока ел, наблюдал за происходящим за столами студентов, в частности Слизерина. Это часто давало ему представление о том, какими будут группы сверстников в тот или иной год, и он всегда мог использовать эту информацию в своих интересах. За столом Слизерина он с интересом наблюдал, что, хотя Кровавый Барон довольно близко нависал над Малфоем, отвлекая мальчика от кормления, обескураживающий призрак не отрывал взгляда от Поттеровского отродья. И вид у него был задумчивый.

Северус вздохнул. Ничего хорошего это не предвещало.

Он наблюдал за тем, как Отродье-Который-Выжил смотрит на огромные тарелки с едой, а затем переводит взгляд пустых глаз на других студентов. Он заметил, что Брат не брал еду до тех пор, пока не убедился, что все остальные набили свои тарелки доверху. А потом он схватил куриную ножку и слегка отвернулся, словно одичавший и защищающий свою еду от других хищников. Разумеется, маленькие змеи Слизерина были хищниками, но не настолько, чтобы воровать еду друг у друга, ради Мерлина! У них были манеры, не то что у Отродья, Которое Жило, Чтобы Раздражать!

<http://tl.rulate.ru/book/120159/4965347>